Алексѣй Ремизовъ

А·Х·Р·У

ПОВѢСТЬ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ · ПЕТЕРБУРГЪ · МОСКВА
1922

ΚΤΗΜΑ
ΕΙΣ
ΑΕΙ

Sarny Werber Publishers P.O.Box 31380 Jerusalem 91313.

Серия "Библиографическая редкость" Факсимильное издание. Книга отпечатана в количестве 500 экземпля

965-374-004-0

Алексѣй Ремизовъ

АХРУ

ПОВѢСТЬ ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ · ПЕТЕРБУРГЪ · МОСКВА
1922

И еще скажу вам: у кого есть сила
и голова крепкая, пусть не
покидает России. Так и
скажите

КЪ ЗВѢЗДАМЪ

дѣвушка пѣла въ церковномъ хорѣ
о всѣхъ усталыхъ въ чужомъ краю,
о всѣхъ корабляхъ, ушедшихъ въ море,
о всѣхъ, забывшихъ радость свою.
и голосъ былъ сладокъ и лучъ былъ тонокъ,
и только высоко у царскихъ вратъ
причастный тайнамъ — плакалъ ребенокъ
о томъ, что никто не придетъ назадъ.

Бѣдный Александръ Александровичъ! Покинуть такъ рано землю, никогда ужъ не видѣть ни веснъ, ни лѣта, ни милой осени и любимыхъ бѣлоснѣжныхъ зимъ,

и звѣздъ не видѣть — сестеръ манящихъ — какъ только онѣ намъ свѣтятъ.

Не видѣть земли, безъ „музыки“ — это такая послѣдняя бѣда и отъ этой бѣды не уйти —

а если вовсе и не бѣда, а первое великое счастье?

Но почему же для васъ такъ рано? Это я, еще бѣдующій здѣсь вмѣстѣ съ веснами и любимыми вьюгами и моей звѣздой серебряной, это я стучу въ затворенную дверь, не могу и ни-

какъ не свыкнуться съ этимъ вашимъ — счастьемъ.

Въ то утро — а какая ужасная была ночь — лирова, какой рвущій вѣтеръ и дождь,

вѣтеръ вввіилъ —
самъ щечавый звѣрь содрогнулся бъ!
вѣтеръ вввіилъ до — сердца!

въ суровое августовское утро, когда покорные судьбѣ, въ скотскомъ вагонѣ, какъ скотъ убойный, мы подъѣзжали къ границѣ, оставляя русскую землю, духъ вашъ переходилъ тѣсную огненную грань жизни, и вы навсегда покинули землю.

И еще огонекъ погасъ на русской землѣ.

◇

А въ день похоронъ, когда вашу Трудовую книжку съ помѣткой:

литератор
грамотен
ПТО

отдали въ Отдѣлъ Похоронъ, я свою съ той же самой помѣткой и печатью,

только нарядную, единственную, узорную по черному алымъ съ виноградами, птичкой и знакомыми нумерами Севпроса, Кубу. Серабиса отдалъ въ Ямбургѣ въ Особый Отдѣлъ Пропусковъ.

Счастливъ ли духъ вашъ?

Хоть на мгновенье вы обрадовались тамъ — вы радовались за гранью этой жизни, этой бушующей лировой ночи?

Или вамъ еще предстоитъ встрѣча — счастливые дни?

А я скажу — про себя вамъ скажу — ни на минуту, ни на мигъ. И не жду.

Это такое проклятіе — вотъ ужъ подлинное несчастье! — оставить родную всколыхнутую землю, Россію, гдѣ въ бѣдующемъ Злосчастьѣ наперекоръ рваной бѣднотѣ нашей, нищетѣ и голи выбивается изумрудная, молодая поросль.

Помните, въ Отдѣлѣ Управленія мы толклись въ очереди къ Борису Каплуну: вы потеряли паспортъ — это было вскорѣ послѣ похоронъ О. Д. Батюшкова — и надо было возстановить, а я съ прошеніемъ о нашей погибели на Островѣ безъ воды и дровъ — помните, вы сказали, поминая Батюшкова, что мы то съ вами —

— Мы выживемъ, послѣдніе, но если кто-нибудь изъ насъ...

И я въ глазахъ вашихъ видѣлъ, не о себѣ это вы тогда.

Бѣдный Александръ Александровичъ — вы дали мнѣ папиросу настоящую! пальцы у васъ были перевязаны.

И еще вы тогда сказали, что писать вы не можете.

— Въ такомъ гнетѣ невозможно писать.

А знаете, это я теперь тутъ узналъ за границей, что для русскаго писателя тутъ, пожалуй, еще тяжче, и писать не то, что невозможно, а просто нечего: вѣдь только въ Россіи и совершается что-то, а тутъ — для русскаго-то — пустыня.

Уйти временно въ пустыню, конечно, для человѣка полезно, въ молчаніи собрать мысли — вѣдь нигдѣ, какъ въ пустынѣ, зрѣніе и чувства остры! — и Гоголь уходилъ въ римскую пустыню для „Мертвыхъ душъ". Тоже и поучиться слѣдуетъ, и есть чему, на камняхъ-то Европы — „однимъ х..мъ (хоботомъ) мазать невозможно!" — правильно Толстой замѣтилъ Алексѣй Н. Только вотъ на счетъ прокорму — писателямъ и художникамъ вездѣ приходится туго! — надо какая-то работа, а всякая по-

сторонняя работа, вы-то это хорошо знаете, засуетить душу. И выйдетъ тоже на тоже. И если судьба погибнуть, такъ ужъ погибать тамъ у себя, на міру въ Россіи.

◇

Это хорошо, что на Смоленскомъ — и проще и не суетно — и никто-то васъ не тронетъ, не позарится на вашу домовину, и Горькаго не надо просить и Марью Өедоровну безпокоить.

Помните, какъ васъ изъ вашей-то насиженной выгнали?

А можетъ быть, и тамъ ваша душа проходитъ еще злѣйшія мытарства? И эта жизнь — четырехлѣтній опытъ соціальнаго переустройства — ясно говорившая вамъ ужъ однимъ своимъ началомъ всеобщаго уравненія, когда вы недоумѣвая спрашивали, „нужны мы или не нужны?“ да, конечно, такіе не нужны, эта жизнь, прицѣпившая къ вамъ бестій ярлычекъ „буржуазнаго поэта“ — изобрѣтеніе всеупрощающее, подхваченное умомъ не очень взыска-

тельнымъ и отнюдь не безпокойнымъ, а также примазавшейся шкурой и прихвостившейся мразью, загнавшая васъ въ третью категорію со всякими трудовыми повинностями — сгребаніемъ снѣга на мостовой, сколкой льда, разгрузкой барокъ съ дровами, чисткой загаженныхъ дворовъ, эта жизнь, которая не давала вамъ никакой воли, заставляя васъ быть, какъ всѣ, и какъ всякій служить, и какъ всякаго безъ конца учитывая, регестрируя и заставляя заполнять анкеты, а за каждую милостыню — вѣдь ученые, писатели и художники это вытянувшійся дрожащій хвостъ нищихъ на паперти Коммуны! — за каждый брошенный кусокъ и льготу (право „просачиваться!"), тычащая васъ носомъ, какъ кошку, и не однажды честившая васъ, какъ ломового извозчика, — „Мы художники-писатели, а съ нами обращаются, какъ съ ломовыми извозчиками!" — говорили вы въ гнѣвѣ, и наконецъ отнявшая у васъ досугъ и „праздность", это наша переустраивающаяся русская жизнь, въ конецъ искалѣченная войной и войнами, и вотъ доконавшая, покажется вамъ легкимъ сномъ?

Но я вѣрю, за ваше слово, за „музыку" и тамъ, въ норахъ и канавахъ —

въ безнадежномъ, томящемъ кругѣ, въ кольцѣ ожесточившихся стражей муки, и тамъ найдутся, кто станетъ за васъ, и тамъ найдется свой — Горькій.

Впрочемъ, что это я — это я все о „гнетѣ“ — горькое слово ваше запало! — это я по-русски, а вѣдь было-жъ и совсѣмъ другое! и совсѣмъ по другому! — по закоренѣлому нашему злопамятью —

И знаете, Александръ Александровичъ, да это вы знаете, — и это говорю я не для пуга, — не всегда-то и Марья Өедоровна можетъ: передъ уходомъ изъ ПТО какую она мнѣ подпись подписала подъ прошеніемъ въ Петрокоммуну царскую, а все-таки отказали, и ужъ въ Ревелѣ въ замятинской рвани съ вокзала я каблукъ въ рукѣ несъ.

И Гумилева — разстрѣляли! — Николай Степановичъ покойникъ теперь — Горькій не всегда можетъ, стало быть.

Да, хорошо что на Смоленскомъ — Өедору Ивановичу, хоть и обидно — помните, покойника Ө. И. Щеколдина

любилъ онъ васъ! — это когда съ Гороховой-то насъ выпустили, онъ вскорѣ и померъ, на совѣтскихъ мосткахъ въ Александро-Невской лаврѣ лежитъ, — ну, Ѳедоръ Ивановичъ пойметъ.

Я. П. Гребенщиковъ и его сестры, они на Островѣ, сосѣди наши, отъ нихъ до Смоленскаго два шага, они-то ужъ какъ будутъ могилу вашу беречь, знаютъ тамъ каждый холмикъ, придутъ и на Радоницу — красное яичко принесутъ, похристосуются, и на зеленый Семикъ и въ Дмитровскую субботу. Гребенщиковъ — книгочій, всякую вашу книгу имѣетъ и на иностранномъ, онъ одинъ такой въ Петербургѣ, онъ и могилу не оставитъ, князь обезьяній —

А вашъ обезьяній знакъ, Александръ Александровичъ — его ни въ какой Отдѣлъ не потребуютъ — забылъ я, съ чѣмъ онъ — картинка — съ какимъ хвостомъ или лапами? — у П. Е. Щеголева съ лапами гусиными и о трехъ хвостахъ выдерныхъ.

И вамъ будетъ легко лежать въ родной землѣ.

Мы тоже коробочку взяли съ русской землей —

глаза ваши пойдутъ цвѣтамъ,
кости — камню,
помыслы — вѣтру,
слово — человѣческому сердцу.

◇

Бѣдный Александръ Александровичъ!

Все никакъ не могу убѣдить себя, что васъ ужъ нѣтъ на свѣтѣ.

Вотъ тоже, когда Ѳ. И. Щеколдинъ померъ, я тоже долго не могъ: схвачусь и все будто папиросу ищу — самъ курю и ищу, какъ въ безтабашьѣ.

Передали ли вамъ мое послѣднее слово?

— Что жъ сказать Блоку?

А я точно испугался — чего-то страшно стало — не сразу отвѣтилъ.

— А скажите Блоку: нарисовалъ я много картинковъ, на каждую строчку „Двѣнадцати“ по картинкѣ.

Пусто и жутко было въ моей комнатѣ: пустыя полки, и игрушекъ не было, пустая зеленая стѣна съ серебряными гнѣздышками, и ваша „ягиная черпалка“ — помните, на Островахъ нашли? — убралась въ жестяную довоенную коробку изъ-подъ бисквитовъ вмѣстѣ съ „гребнемъ ягинымъ“, и

только огонекъ передъ образомъ неугасимый свѣтилъ, какъ всегда, въ послѣднюю ночь, — разбирали послѣднее, какъ послѣ похоронъ.

— А это значитъ, — объяснилъ я, — за эти три мѣсяца я думалъ о немъ.

Евгенія Ѳедоровна такъ и обѣщалась передать.

А незадолго передъ тѣмъ заходилъ къ намъ Евгеній Павловичъ Ивановъ —

и каждый вечеръ другъ единственный

онъ, какъ всегда вошелъ бокомъ и, стоя, завели разговоры, безъ словъ, больше мигомъ, ухомъ и скаломъ, васъ поминали и, какъ Чучела-Чумичела и кумъ его Волчій хвостъ

шептались долгое время.

Евгеній Павловичъ тоже кавалеръ обезьяній — съ лягушачьимъ глазомъ и хвостомъ рогатаго мыша! — съ Гребенщиковымъ снюхаются и, пока живы, бородатые, одинъ рыжій, другой темный, какъ бѣсы изъ „Бѣсовскаго дѣтства", дико козя бородами, станутъ на стражѣ, не покинутъ вашего Креста.

◇

Трижды вы мнѣ снились.

Два раза въ городѣ рыцарей — въ башенномъ Ревелѣ и разъ тутъ въ зеленомъ Фриденау, въ Фремденхеймѣ у Фрау Пфейферъ, надъ Weinstube, по нашему надъ кабакомъ.

Видѣлъ васъ въ бѣломъ, потомъ въ серебрѣ, и я пробуждался съ похолодѣвшимъ сердцемъ. А тутъ — надъ Weinstube — вы пришли совсѣмъ обыкновеннымъ, всегдашнимъ и мнѣ было совсѣмъ не страшно. Я васъ просилъ о чемъ-то и вы, какъ всегда, слушая, улыбались — что-то всегда было чудное, когда я говорилъ съ вами.

Изъ разныхъ краевъ, разными дорогами проходили наши души до жизни и въ жизни по крови разные — мнѣ достались озера и волшебныя алтайскія звѣзды, зачаровавшія необозримыя русскія степи, вамъ же скандинавскія скалы, сѣверное небо и океанъ, и не даромъ выпала вамъ на долю вихревая пѣсня взбаламученной вздыбившейся Россіи, а мнѣ — погребальная надъ краснозвонной отшедшей Русью.

Гдѣ-то однажды, а можетъ, не разъ мы встрѣчались — на какомъ перепутьѣ? — вы закованный въ латы съ крестомъ, я въ моей лисьей острой

шапкѣ подъ вой и бой бубна — или на разстани какой дороги? въ какой чертячьей Weinstube — разбойномъ кабакѣ? или тамъ — тамъ, на болотѣ —

и сидимъ мы дурачки
нежить, немочь водъ
зеленѣютъ колпачки
задомъ напередъ.

Судьба съ первой встрѣчи свела насъ въ жизни и до послѣднихъ дней.

И въ рѣшающій часъ по запылавшимъ дорогамъ и бездорожью Россіи черезъ вой и вихрь прозвучали наши два голоса — Россіи —

на новую страдную жизнь
и на вѣчную память.

никогда не забуду, онъ былъ или не былъ
этотъ вечеръ, пожаромъ зари
сожжено и раздвинуто блѣдное небо
и на желтой зарѣ фонари -- —

1905 годъ. Редакція „Вопросовъ Жизни" въ Саперномъ переулкѣ. Я на должности не канцеляриста, а Домового — все хозяйство у меня въ книгахъ за подписями (самъ подписывалъ!) и печатью

хозяина моего Д. Е. Жуковскаго, помните, „высокопоставленныя лица“ обижались, когда подъ дѣловыми письмами я подписывался „старый дворецкій Алексѣй.“ Марья Алексѣевна, младшая конторщица, убѣжденная, что мой „Прудъ“ есть романъ, переведенный мною съ нѣмецкаго, усумнилась въ вашей настоящей фамиліи:

— Блокъ! псевдонимъ?

И когда вы пришли въ редакцію — еще въ студенческой формѣ съ синимъ воротникомъ — первое, что я передалъ вамъ, это о вашемъ псевдонимѣ.

И съ этой первой встрѣчи, а была весна петербургская особенная, и пошло что-то, чудное что-то, отъ чего, говоря со мной, вы не могли не улыбаться.

Театръ В. Ѳ. Коммиссаржевской на Офицерской съ вашимъ „Балаганчикомъ“ и моимъ „Бѣсовскимъ дѣйствомъ“ — Вс. Мейерхольдъ — страда театральная.

Неофилологическое общество съ Е. В. Аничковымъ — весенняя обрядовая пѣсня и ваше французское средневѣковье. Вечера у Вяч. Иванова на Таврической съ вашей „Незнакомкой“ и моей „Калѣчиной — малечиной“ посо-

лонной. Разговоры о негазетной газетѣ у А. В. Тырковой.

1913 годъ. Издательство „Сиринъ“ — М. И. Терещенко и его сестры — канунъ войны, когда мы встрѣчались всякій день и еще по телефону часовали. Вы жили тогда на Монетной, помните Острова, помните двугривенный, вѣдь я отдалъ его послѣдній! — какъ вы смѣялись и послѣ, еще недавно, вспоминая.

Р. В. Ивановъ-Разумникъ — „Скифы“ предгрозные и грозовые.

1918 годъ. Наша служба въ ТЕО — О. Д. Каменева — безчисленныя засѣданія и затѣи, изъ которыхъ ничего-то не вышло. И наша служба въ ПТО — М. Ѳ. Андреева — вашъ театръ на фонтанкѣ, помните, вы прислали билеты на „б. короля Лира“ —

Комитетъ „Дома Литераторовъ“ съ А. Ѳ. Кони подъ глазомъ Н. А. Котляревскаго, о-бокъ съ Н. М. Волковыскимъ, — неизмѣнные зайцы В. Б. Петрищева.

З. И. Гржебинъ — кумъ —

И черезъ четырехлѣтіе „Опыта“ Алконостъ — С. М. Алянскій, „волъ испол-

комъ обезьяній“, мытарства и огорченія книжныя, безчисленныя, какъ засѣданія, прошенія Луначарскому, разрывъ и мировая съ Іоновымъ.

Помните, на Новый Годъ изъ Перми послѣ долгаго пропада появился влюбленный Слонъ Слоновичъ (Юрій Верховскій) — вотъ кому горе, какъ узнаетъ! — вѣдь вы первый въ „Вопр. Жиз.“ отозвались на его стихи слоновьи, на „Зеленый сборникъ“, въ которомъ впервые выступилъ Слонъ съ М. А. Кузминымъ и Вяч. Менжинскимъ.

Помните, чуковскіе вечера въ „Домѣ Искусствъ“, чествованіе М. А. Кузмина, „музыканта обезьяньей великой и вольной палаты“, и нашъ послѣдній вечеръ въ „Домѣ Литераторовъ“ — я читалъ „Панельную сворь“, а вы — стихи про „французскій каблукъ“, домой мы шли вмѣстѣ — Серафима Павловна, Любовь Александровна и мы съ вами — по пустынному Литейному звѣрски свѣтила луна.

Февральскія поминки Пушкина — это вашъ апофеозъ.

И опять весна — Алконость женился — растаялъ Невскій, заволынилъ

Островъ, возстаніе Кронштадта, бѣлыя ночи —

Первый день Пасхи — 1 мая — первая вѣсть о вашей боли.

И конецъ.

глаза ваши пойдутъ цвѣтамъ,
кости — камню,
помыслы — вѣтру,
слово — человѣческому сердцу.

◇

Странные бываютъ люди — странными они родятся на свѣтъ.

Левъ Шестовъ, о немъ еще съ Петербурга, когда началъ печататься въ Дягилевскомъ „Мірѣ Искусствъ", пущенъ былъ слухъ, какъ о забулдыгѣ — горькой пьяницѣ. А на самомъ-то дѣлѣ, — поднеси рюмку, хлопнетъ и сейчасъ же пѣсни пѣть! — трезвѣйшій человѣкъ, но во всѣхъ дѣлахъ — оттого и молва пошла — какъ выпивши.

Розановъ В. В., тоже отъ странниковъ, возводя Шестова въ „умъ безпросвѣтный", что означало верхъ славословія, до того увѣрился въ порокѣ его виномъ, всякій разъ, какъ ждать въ гости Шестова, виномъ запасался и всякій

разъ, угощая, не упускалъ случая попенять, что зашибаетъ.

А настоящіе люди — ума юридическаго — отдавая Шестову должное, какъ книжнику и философу, въ одномъ корили, что водится, деликатно выражаясь, со всякой сволочью, куда первыми входили мы съ Лундбергомъ, и все приписывалось „запойному часу" и „по пьяному дѣлу".

А дѣло-то, конечно, не въ рюмкѣ — это П. Е. Щеголевъ не можетъ! — а если и случалось дернуть и пѣсни пѣть, что жъ? и какой же это человѣкъ безпѣсенный? — дѣло это такое, что словами не скажешь, оно вотъ гдѣ —

А бываютъ и не только что странные, больше — Андрей Бѣлый —

Андрей Бѣлый въ родѣ какъ ужъ и не человѣкъ вовсе, тоже и Блокъ не въ такой степени, а все-таки.

И Е. В. Аничковъ это замѣтилъ.

„Вошелъ ко мнѣ Блокъ, — разсказываетъ Аничковъ о своей первой встрѣчѣ, — и что-то такое..."

А это такое и есть какъ разъ такое, что и отличаетъ нечеловѣческаго человѣка.

Блокъ былъ въ родѣ какъ не человѣкъ.

И такимъ страннымъ — дуракамъ — и какъ нечеловѣкамъ данъ великій даръ: ухо — какое-то другое, не наше.

Блокъ слышалъ музыку.

И это не ту музыку — инструментальскую — подъ которую на музыкальныхъ вечерахъ любители, люди сурьезные и вовсе не странные, а какъ собаки мухъ ловятъ, нѣтъ, музыку —

Помню, въ 1918 году послѣ убійства Шингарева и Кокошкина говорили мы съ Блокомъ по телефону — еще можно было — и Блокъ сказалъ мнѣ, что надъ всѣми событіями, надъ всѣмъ ужасомъ слышитъ онъ — музыку, и писать пробовалъ.

А это онъ „Двѣнадцать" писалъ.

И та же музыка однажды, не сказавшаяся словомъ, дыхомъ своимъ звѣзднымъ вывела Блока на улицу съ краснымъ флагомъ — это было въ 1905 г.

Изъ всѣхъ самый крѣпкій, куда жъ Андрей Бѣлый — такъ мля газообразная съ сѣденькими пейсиками, или меня взять — червякъ въ три дуги согнутый, и вотъ первый — не думано! — раньше всѣхъ, первый Блокъ простился съ бѣлымъ свѣтомъ.

Не отъ цынги, не отъ голода и не отъ какихъ трудовыхъ повинностей — вѣдь, Блоку это не то, что мнѣ полѣно разрубить или дровъ принести! — нѣтъ, ни отъ какихъ неустройствъ несчастныхъ, Блокъ погибъ и не могъ не погибнуть.

Въ какомъ вихрѣ взвихрилась его душа! на какую жъ высоту! И музыка —

— Я слышу музыку, — повторялъ Блокъ.

И одна изъ музыкальнѣйшихъ русскихъ книгъ „Переписка" Гоголя лежала у него на столѣ.

Гоголь тоже погибъ такой же судьбой.

Взвихриться надъ землей, слышать музыку и вотъ будни — одинъ Театральный отдѣлъ чего стоитъ! — передвиженія изъ комнаты въ комнату, изъ дома въ домъ, реорганизація на новыхъ началахъ, начальникъ-на-начальникѣ и — ничего! — весь Петербургъ, вся Россія за эти годы переѣзжала и реорганизовывалась.

Съ угасающимъ сердцемъ Блокъ читалъ свои старые стихи.

„Въ такомъ гнетѣ писать невозможно".

И какъ писать? Послѣ той музыки? Съ вспыхнувшимъ и угасающимъ сердцемъ?

Вѣдь, чтобы сказать что-то, написать, надо со всѣмъ желѣзомъ духа и сердца принять этотъ „гнетъ“ — Россію, такую Россію, какая она есть сейчасъ всю до кости, русскую жизнь, метущуюся изъ комнаты въ комнату, отъ дверей къ дверямъ, отъ воротъ до воротъ, съ улицы на улицу, русскую жизнь со всѣмъ дубоножіемъ, шкурой, потрохомъ, орломъ и матомъ, Россію съ великимъ желаннымъ сердцемъ и безусловной свободной простотой, Россію — ея единственную огневую жажду воли.

Гоголь — современнѣйшій писатель Гоголь! — къ нему обращена душа новой возникающей русской литературы и по слову и по глазу.

Блокъ читалъ старые свои стихи.

А читалъ онъ изумительно: только онъ одинъ и передавалъ свою музыку. И когда на вечерахъ брались актеры, было неловко слушать.

Ритмъ — душа музыки, и въ этомъ стихъ.

Стихи не для того, чтобы понимать, ихъ и не надо понимать, стихи слушаютъ сердцемъ, какъ музыку, а актеру — профессіональнымъ чтецамъ — не ритмъ,

выраженіе — все, а выраженіе вѣдь это для пониманія, чтобы слушая стихъ, лишенные „уха", мухъ по-собачьи не ловили.

Про себя Блока будутъ читать — стихи Блока, а съ эстрады больше не зазвучитъ — не услышишь, если, конечно, не вдолбятъ актеру, что стихъ есть стихъ, а не разговоры, а безухій есть глухой.

У Блока не осталось дѣтей — къ великому недоумѣнію и огорченію В. В. Розанова! — но у него осталось больше, и нѣтъ ни одного изъ новыхъ поэтовъ, на кого бъ не упалъ лучъ его звѣзды.

А звѣзда его — трепетъ сердца слова его, какъ оно билось, трепетъ сердца Лермонтова и Некрасова — звѣзда его незакатна.

И въ ночи надъ просторомъ русской земли, надъ степью и лѣсомъ, я вижу, горитъ — —

Charlottenburg, 7 XI 1921.

КРЮКЪ

Крюкъ, на которомъ лампу вѣшаютъ, вѣшаются, и которымъ крюкомъ зацѣпивъ крючникъ тяжести неохватныя тащитъ, крюкъ-опора — die Krücke — слово нѣмецкое и очень-то носъ задирать нечего!

Есть одно русское литературное большое гнѣздо — Петербургъ-Москва. И отъ этого большого гнѣзда по всей по Россіи — отъ океана до горъ и отъ горъ до моря и отъ моря до пустыни и отъ пустыни до другихъ горъ — малыя гнѣзда.

И въ жесточайшіе годы — въ войну всесвѣтную и замутѣніе, въ раззоръ и падаль, не погибли, заяились гнѣзда.

Русскіе писатели, живущіе въ Россіи при всей тяготѣ житейской — пусть не завидуютъ покинувшимъ вольно или невольно Россію, не зарятся на нашу нищету и безродство! — русскіе писатели большого гнѣзда и малыхъ ужъ однимъ своимъ хотя бы лѣтописнымъ бытіемъ всегда съ яйцомъ: готовы.

Великое бъ было дѣло пропустить писателей по заграницамъ — живи какъ знаешь! — и въ наученіе полезно: крюкъ-то нашъ слово нѣмецкое! — и

для души: о Россіи подумай, о своей единственной опорѣ „стихіи русской", безъ которой про-пасть! — да и для глаза не мѣшаетъ: отъ отчаянія сколько зари — — — на нищету и безродство.

На всей землѣ писателямъ и художникамъ жить — не медъ пить; тяжко, непосильно до отчаянія въ России въ гнѣздахъ, а тутъ — русскій писатель, оставившій Россію вольно или невольно, ужъ однимъ своимъ уходомъ вольнымъ или невольнымъ несетъ на себѣ проклятіе изгнанія — наскачешься, заголя задъ!

Писатель не философъ, это философъ, какъ балерина, музыкантъ и художникъ, — планетчикъ, его куда хочешь ткни, вездѣ ему домъ отъ океана до океана и отъ пупа ледяного до пупа ледяного.

Жилъ въ Петербургѣ философъ, великій книжникъ Столпнеръ, другъ Розанова и Льва Шестова — Шестовъ въ Парижѣ, В. В. Розановъ у Троицы-Сергія подъ Москвою на кладбищѣ, гдѣ-то Столпнеръ теперь, горемычный! — а какъ и чѣмъ жилъ, неизвѣстно, одно знали — выпыталъ! — въ праздничный день сползалъ онъ въ какую филипову булочную и тамъ шасть на жаворонки, только и была страсть эта — жаворонки, плюшковъ поѣсть.

Столпнеру — жаворонокъ, 6. сибирскому атаману Шишкову — рябиновка, этнографу и космографу М. М. Пришвину — ружье на утокъ, уточницу, а спутнику его археологу И. А. Рязановскому — автографъ (пишутъ изъ Праги, проѣхали пріятели черезъ Берлинъ къ другу своего дѣтства къ инженеру Я. С. Шрейберу въ Женеву подкормиться!) одному — Schlagsahne — другому — Mokka, Микитову — лѣсъ да пиво, Андрею Бѣлому — цитронажъ, а Ященкѣ — не могу не упомянуть профессора доктора международнаго права — Ященкѣ — die Sache an und für sich! — ему ничего не нужно.

Русскому писателю да еще въ такую пору — столпотворенную — безъ Россіи никакъ невозможно.

И, потому, что просто любопытно; Уэлсъ — хитрецъ-англичанинъ! — не зря же изъ бифштекснаго Лондона въ дурандовое Большое гнѣздо наше на адову страсть потащился за семь верстъ киселя хлебать!

И потому что, только русскій писатель, не гость, а свой оголтѣлый, пройдя весь крестный путь новой жизни (а вѣдь въ міръ идетъ новая жизнь!)

сохранить ея огненную душу въ словѣ а то — мелочь, конечно, и притомъ же гость желанный — тоже иностранецъ спичками нашими восторгнулся, а мы ихъ, спички-то, и въ глаза не видали, а больше какія попадались пайковыя: чиркнешь — и ничего! — безголовки;

и еще потому, что пройди ты всю землю съ края на край, нигдѣ на всемъ свѣтѣ такъ не пламенна мечта о волѣ, какъ только въ Россіи;

а что такое эта мечта, воля и какъ и гдѣ — знаю, безъ нея кисль и тряпка, да не умѣю я по настоящему! — про это Левъ Шестовъ, собравшій изъ вѣковъ всю мудрость мудрецовъ и разумнѣйшихъ благодѣтелей человѣчества, мудрость безумцевъ, и самъ не безъ того (свихнулся!), Левъ Шестовъ въ книгѣ своей „Странствованія по душамъ" все разскажетъ да не просто — съ фугой, одно скажу: мечта эта, воля — не Schlagsahne, и не Mokka... у каторжника, а того лучше Лазаря четверодневнаго, коль поразспрашивать стать — — —

Русское литературное большое гнѣздо и малыя гнѣзда живы, живутъ и яятся.

Началось съ 1920 года, когда въ оледенѣломъ гнѣздѣ въ голодъ и темь пришла весна — ка-кая! — не забыть.

Стали о ту пору жениться — недалеко ходить, у Назарыча, уполномоченнаго нашего комбѣда, братъ женился, — завелись женихи и невѣсты, и писатели поставили станокъ.

И къ слѣдующей веснѣ Домъ Искусствъ и Домъ Литераторовъ огласился новыми молодыми птичьими голосами, — и эту весну не забыть.

Самый изобразительный и охватистый — большакъ — Б. А. Пильнякъ (Wogau), онъ и старше всѣхъ, ужъ книгу издалъ, сидитъ въ Коломнѣ подъ Москвой у Николы-на-Посадьяхъ, корову купилъ. На Пасху снялся въ Петербургъ — А. М. Горькій вывезъ! — привезъ романъ „Голый годъ" и повѣсть „Ивана-да-Марью".

Въ Петербургѣ Серапіоновы братья кучатся: М. М. Зощенко, Н. Н. Никитинъ, М. Л. Слонимскій, К. А. Фединъ, Вс. Ивановъ, Л. Н. Лунцъ, И. А. Груздевъ, Вл. С. Познеръ. Братья младше Пильняка — у Пильняка и дочка ростетъ Наташа и сынъ Андрей и еще ожидается — и написали они не столько: кто по два, кто по три разсказа, но всякій по своему, во что гораздъ.

Самый изъ всѣхъ хитрящій — у него и мордочка остренькая — Лунцъ, и никто такъ не подцѣпитъ тупь, глупь и несообразицу: „Исходящая № 3749“ — вотъ его разсказъ. И тихъ, и скроменъ, только что на шоколадъ падокъ, Слонимскій, а разсказъ его — сущій разбойный. Оба на Гофманѣ верхомъ покатались.

„Садъ“ Федина — разсказъ подгородній: нѣжности посолонной, а тема нынѣшняя.

М. Зощенко — изъ самыхъ „Мертвыхъ душъ“ отъ Коробочки и „Сквернаго анекдота“: „Старуха Врангель“ — петербургскіе и уѣздные разсказы его — подковыръ Гоголя и выковыръ Достоевскаго.

У Зощенки — западъ — польское нашествіе, у Пильняка — юго-востокъ — страхъ Деникинскій.

Отъ словныхъ словъ — Никитинъ: его „Колъ“, „Подвалъ“, „Ангелъ Аввадонъ“ — низь словъ.

И до чего это странно — какія общія сѣмена! — Никитинъ бѣгая и ноши нося по Петербургу, разсказываетъ въ своемъ „Колѣ“ про то же, про что Невѣровъ, въ Самарѣ безвыѣздно, въ своей комедіи „Смѣхъ и горе“ —

попъ — пирогъ, извините, съ яйцами!

— и уѣздкомъ самохотчикъ — намъ звуковъ не надо!

Наше доморощенное — несуразное! — и никакимъ ты его коломъ не выбьешь и крестомъ не взять, ни дубьемъ, ни чекачисткой.

А. С. Невѣровъ (Скобелевъ) учитель самарскій въ большихъ трудахъ семейныхъ. Изъ пьесъ — агитдрамъ ударныхъ и трафильныхъ-агитныхъ, поступавшихъ въ Т. Е. О. и въ П. Т. О., „Бабы“ его — пьеса исключительная.

И опять: Невѣровъ въ Самарѣ „Бабъ“, что Вяч. Шишковъ въ петербургскомъ „отелѣ“ свой „Вихрь“, даже до именно: безмужья деревня въ войну.

Невѣровъ — въ Самарскомъ маломъ гнѣздѣ и тамъ же зимовалъ Н. Г. Виноградовъ — большакъ — авторъ хоровой трагедіи о Петрѣ.

Изъ московскаго гнѣзда къ петербургскому всѣхъ ближе М. М. Волковъ: его разсказы въ „Горнѣ“ и „Кузницѣ“ крѣпки земляною крѣпью народнаго слова.

Тамъ-же: К. С. Ашукинъ, А. С. Яковлевъ, А. Я. Аросевъ. Б. А Пастернакъ, А. Б. Кусиковъ, С. А. Есенинъ.

Какъ свой къ большому гнѣзду И. Соколовъ-Микитовъ: „Засупоня“ и нынче на Невѣ чутокъ.

Что жъ это, какое имя у молодой поросли русской подъ огненный буй и шумъ?

Слышу — — Гофмана — Гоголя — Достоевскаго — — — А. Бѣлаго — — словарь — слово —

слово — истокъ письма
матерьялъ — Россія
современность
1918-1920

◇

За эти годы сложилась Россія — свое житье-бытье.

По городамъ люди раздѣлились на сословія: на бѣдняковъ, нищихъ и раздѣтыхъ, и въ эту бѣднищголь вгнѣздился мародеръ — и благодѣтель и петля.

Удостовѣренія и ордера, слиствшись, поднялись Татлиновскимъ памятникомъ III-му Интернаціоналу и завращались по-минутно, по-денно и по-годно, видимо всѣмъ. Самъ Горностаевъ, московскій столбцеписецъ, залюбовался бъ изъ тишайшаго вѣка и одному бы

попенялъ, что хорошо — замысловато, да писано не узорно, не гусинымъ перомъ, ж...

А какіе страхи! — и тотъ дубинный Петровъ, вздыбившій Россію, и скажу, тотъ крестный, перевернувшій язычную Русь, когда крестомъ сгоняли русскій народъ по рѣкамъ креститься.

Двоевѣріе, крывукъ и кувыркъ.

Сторожба, разсчетъ и масляничная гуль Ивана Осипова — Ваньки Каина, вора московскаго и сыщика.

Подслухъ-подглядь-ябеда-доносъ.

Желанность и простота.

И воля — да не голубой краешекъ неба „Мертваго дома“, а та — та щелинка изъ рва львиннаго —

И какой хоръ — соборное большое дѣйство — коллективное дѣйствіе массъ.

У Еф. А. Вершинина, балт-мора, въ „Несостоявшемся собраніи“ все стоитъ на хорѣ — вся пьеса, и у Пильняка въ его повѣсти именно звучны эти хоры: „Съѣздъ волсовѣтовъ“ слышенъ, какъ Пильняковъ же пѣтухъ, на три уѣзда.

Это Россія, отгороженная отъ всего міра, Россія, изгорающая въ мечтѣ о волѣ, слышна на весь свѣтъ.

А какія слова — — — да не обрубки декретные, ни пша и ни вша, а изъ-подъ корня, только дремавшія и вотъ огнемъ пробужденныя въ сердцѣ народномъ.

◇

Весна 1920 года, взбудоражившая замерзшія гнѣзда — въ ночь подъ Пасху въ Петербургѣ вдругъ подулъ вѣтеръ — не надыхнешься, не надышишься! — зеленый семенной вѣй — весна всѣхъ перемутила.

И старикъ — мой сверстникъ — Е. И. Замятинъ и Вяч. Я. Шишковъ — задатки еще имѣются! —

прощупались

Е. И. Замятинъ „изуграфъ" — рѣзчикъ слова — смиренный епископъ обезьянскій Замутій, въ мірѣ князь обезьяній Евгъ Замятинъ и безъ кофеину взялся за сказки, разсказы, повѣсти — и успѣлъ. И Шишковъ, князь сибирскій и бѣжецкій (обезьяній) — пьесу за пьесой со своимъ непремѣннымъ комедійнымъ пастушонкомъ, а также память сибирскую — шаманскую повѣсть.

И тамъ въ дремучихъ дорогобужскихъ лѣсахъ тоже такой же „князь и полномочный резидентъ заяшнаго вѣдомства“ Пришвинъ М. М., тамъ на Дорогобужской Ямщинѣ, покусанный волками, вышелъ съ ружьемъ на тетеревиный токъ, заслушался и вдругъ какъ увидѣлъ зарю, да какъ дунулъ дыхъ въ него сѣменной, и заросшая конскимъ волосомъ рожа его засвѣтилась — заря! — а сердце тетеревино затоковало.

Пришвинскій „Базаръ“ — хоровая пьеса —

Озарила заря Московскій Кремль, алокрылая ударила она въ синь-синюю оконницу — летѣли отъ кабиловъ изъ Африки пришвинскія птицы надъ Кремлемъ — распахнуло окно — — и изъ пропада мурлатое глянуло въ зарю кудло, потянулъ Аросевъ ноздрей, эна, весенняя рынь! — и эти птицы и эта заря пробудили память — страду о пламенномъ годѣ.

И тамъ, въ олонецкихъ лѣсахъ — въ непроходѣ, въ непроѣздѣ, въ непрорыскѣ — въ образномъ скиту кощей Клюевъ ощерился.

Въ ту весну и мертвый воскресъ бы!

Сколько стиховъ: хоръ поэтовъ И. Садофьева и хоръ Гумилева и самъ

Гумилевъ — „искусственный бродитъ журавь“ —

— не пощадили — а вѣдь, это жъ что пѣвчую птицу! — разстрѣляли: „намъ звуковъ не надо!“ — у! несчастное!

и одиночки: М. М. Шкапская, Н. А. Павловичъ, А. Д. Радлова, Н. А. Шкловская, Вл. В. Гиппіусъ, Вл. А. Пястъ, Вл. Ходосевичъ. А. И. Тиняковъ, Вс. А. Рождественскій, С. Нельдихенъ — —

и совсѣмъ еще перворостокъ мой обезьяненокъ, обезьянко, б. царь ежиный Анатолій Фроловъ, служка обезвелволпала, единственный въ Петербургѣ, таскающій въ коротенькихъ штанишкахъ билетъ на право ношенія хвоста.

М. А. Кузминъ, одни глаза —

но если ангелъ скорбно склонится
и скажетъ: это навсегда —
пускай падетъ, какъ беззаконница,
меня водившая звѣзда.

А. А. Ахматова, вербная вѣтка —

И Kaiser — Dreikaiserbund — Андрей Бѣлый, волхвъ, волкъ рождественскій —

волки со звѣздою путешествуютъ!

ангелъ небесный, слетѣвшій въ нашъ ровъ львиный, ну, ему въ его голубомъ шарфѣ, на ледяномъ ли пупѣ, въ зеленый ли вѣй, другія у него дороги и земля другая, Андрей Бѣлый — большущій романъ „Эпопея“.

Ѳедоръ Кузьмичъ Сологубъ — —

И я — въ чалмѣ и не потому что бъ поступилъ въ турецкую вѣру, а отъ болей смертельныхъ, съ температурой ниже даже Горнфельда (Аркадій Георгіевичъ живъ! — на Бассейной въ трудахъ и терпѣніи), обезкровленный, вдругъ заквакалъ по лягушачьи — —

◆

Я не знаю, слыхали ли вы или кто изъ васъ видѣлъ — — —

Идете вы лугомъ, вьются-рекозятъ золотыя стрекозы, вы наклонились — тише! — въ стрекозьемъ кругѣ на тоненькихъ ножкахъ, сухой, какъ сушка, самъ согнулся, въ лапочкахъ скрипка —

или на теплой вечерней зарѣ когда жундятъ жуки, идите за жундъ — въ жуковомъ вьюнѣ мордочку видите — тшь! — скрипочка пилитъ жукомъ и въ тактъ хохолятъ два хохолка —

и въ лѣсу посмотрите, откуда? — пичужки чувырчутъ — листъ, не шелести! — въ листьяхъ межъ птичекъ со своей скрипкой, узнали?

Да это Скрипликъ.

Всѣ его знаютъ — и звѣри, и птицы, всякій жукъ зоветъ —

скрипликъ

Учитъ Скрипликъ на скрипкѣ пѣнію птицъ, стрекозъ — рекози, жуковъ — жунду, кузнечиковъ — стрекоту, а зайчатъ — мяуку, а лисятокъ — лаю, а волчатъ — вою, а медвѣдевъ — рыку.

Въ лугахъ всякая травка ему шелковитъ, въ лѣсу свѣтитъ свѣтлякъ.

Хорошо по веснѣ, когда птицамъ слетаться на старыя гнѣзда, — идетъ мордочкой къ солнцу, со своей со скрипкой, не забудетъ, обойдетъ всѣ гнѣзда, кочки, норы, берлоги: скоро пойдутъ у звѣрья и птицъ дѣтки, надо учить.

❖

Я не знаю, слыхали ли вы или кто изъ васъ видѣлъ —

Учатся звѣри и птицы и всякій муръ и стрекоза, учатся черти, учится и человѣкъ.

У кого есть голосъ, всякій науку проходитъ, — и не простая это наука: рыкъ-то рыкомъ, а порычи по-медвѣжьи, пропой ты медвѣжью пѣсню, попробуй! — по себѣ скажу, куковать еще кукую, а вотъ по-стрекозьему никакъ ужъ.

Въ большомъ гнѣздѣ на Москвѣ ходилъ со скрипочкой Скрипликъ — Андрей Бѣлый, училъ поэтовъ стиху, въ Петербургѣ Серапіоновы братья по азамъ замятинымъ долбили — Замятинъ училъ ихъ разсказамъ и сказамъ, а стиху училъ Гумилевъ —

— не пощадили, а вѣдь, это жъ что скрипочку у Скриплика исковеркать, Скриплика, человѣчка лѣсного! — разстрѣляли: „намъ звуковъ не надо!" — у! несчастная!

А къ которому лѣшему всѣ звѣри сходятся и птицы и гады и муравьи и пчелы пѣніе свое попѣть и рыкъ рыкать, такимъ Лѣшимъ въ большомъ

гнѣздѣ петербургскомъ былъ Алексѣй Максимовичъ — на Кронверскій къ Горькому дорога, что тропа къ ключику:

его судъ и рядъ
надъ всѣмъ гнѣздомъ

А отъ Горькаго повертывало звѣрье въ другую лѣшачью нору — стогъ чертячій — въ Обезьянью великую и вольную палату на судъ обезьяній.

И видѣлъ я не разъ въ окно, какъ разбредались по своимъ гнѣздамъ: кто хвостомъ трубя, а кто въ прыгъ, только шарики бестьячіе перекатываются, кто какъ заяцъ, кто Мишей, но всякъ до мура —

вдохновенно

И вотъ еще: и не только крюкъ-основа, а и сама дратва — эта связь и спай — наша сапожная дратва — проволока, проводъ — Der Draht — тоже нѣмецкое слово и морду пожалуйста не вороти!

Charlottenburg, 1 XII 1921.

АЛЬБЕРН

Albern

Олаберство, олаберник, безолаберный — albern — слово немецкое и бахвалиться нечего, шапками, увы! не закидаем.

клин клином
дурь — дурью

— Эй ты, дурак, иди, выбивай!

Тулумбас

В страдный год жизни — в смуту, разбой и пропад — когда, казалось, земля разверзается, готовая поглотить тебя с твоим отчаянием —

в минуты горчайшей народной беды и обиды выступали вперед скоморохи.

Звенели на дурацких шапках бубенчики, гудел тулумбас, пищали дудки, лихо разливался соловей —

скоморохи люди вежливые,
скоморохи люди почестливые.

С широким поклоном всему народу под звон, гуд и писк шли скоморохи по русской земле,

а за ними катила волна — русская правда.

кто ловкач боярину спицу в глаза вколоть,
про честную боярыню слово лихое молвить,
про князей-бояр пробоярится,
мирских и духовных прошалыганить —
без обиды для всех —
на потеху — посмех —

Все смеются, князь смеется и поп в воротник ухмыляется —

скоморохи люди вежливые,
скоморохи люди почестливые.

Кафтан Петра Великого

— Я кафтан Петра Великого, сбежавший за ненадобностью от Тройницкого из Эрмитажа!

— Я слишком помню заботы о народе моего носителя и должен сказать: великий преобразователь России был тоже скоморох,

и скоморошил он дело государственное на всешутейших трапезах и на службах великого князь-папы:

под пьяный часословец пелись шутовские обедни, рвались боярские бо-

роды — и не раз могучая рука хваталась за мой рукав;

но все побивались Ивашкой Хмельницким;

не было дела, которое не переделывалось бы в шутку, и не было шутки, которая не претворялась бы в дело — скоморошьей дубиной дубилась Россия.

Обезвелволпал

1. Обезвелполпал (обезьянья великая и вольная палата) есть общество тайное,
происхождение — темное,
цели — свободно выраженная анархия,
намерения — неисповедимые,
средств — никаких.

2. Царь обезьяний — Асыка-Валахтантарарахтарандаруфа Асыка Первый Обезьян Великий;

о нем никто ничего не знает
и его никто никогда не видел.

3. Есть асычий нерукотворенный образ — на голове корона, как петушиный гребень, ноги — змеи, в одной руке — венок, в другой — треххвостка

— на стене написан в рост человечий в Петербурге, на Васильевском острове, д. 31 кв. 48, на самом на верху, куда и вода не подымалась и носить дрова отказывались, где только жили люди да гулял ветер —

Манифест

Мы, милостью всевеликого самодержавного повелителя лесов ивсея природы

асыка первый

верховный властитель всех обезьян и тех, кто к ним добровольно присоединился, презирая гнусное человечество, огадившее всякий свет мечты и слова, об'являем хвостатым и бесхвостым, в шерсти и плешивым, приверженцам нашим, что здесь в лесах и пустынях нет места гнусному человеческому лицемерию, что здесь вес и мера настоящие и их нельзя подделать и ложь всегда будет ложью, а лицемерие всегда будет лицемерием, чем бы они ни прикрывались;

а потому и тем, кто обмакивает в чернильницу кончик хвоста или мизи-

нец, если обезьян бесхвост, надлежит помнить, что никакие ухищрения пузатых отравителей в своем рабьем присяде и хамском приседе, как будто откликающихся на вольный клич, но не допускающих борьбу за этот клич, не могут быть допустимы в ясно-откровенном и смелом обезьяньем царстве, и всякие попытки подобного рода будут караемы изгнанием в среду людей человеческих, этих достойных сообщников лицемеров и трусливых рабов из обезьян, о чем об'являем во всеобщее сведение для исполнения.

Дан в дремучем лесу на левой тропе у сороковца и подмазан собственнохвостно —

Скрепил и деньги серебряной бумагой получил 6. канцелярист, забеглый политком обезвелволпала —

cancellarius

Алексей Ремизов

1918-1922 г.

Petersburg, Charlottenburg.

Ахру — слово обезьянье на обезьяньемъ языкѣ: американскiй ученый проф. Гарнеръ въ африканскихъ лѣсахъ, сидя въ желѣзной клѣткѣ, отъ обезьянъ подслушалъ, и нашъ ученый проф. Ѳ. А. Браунъ тутъ въ Берлинѣ и безъ клѣтки глазъ-на-глазъ въ Zoologischen Garten; а означаетъ это ахру — огонь

Печатано въ художественной типографіи
Dr. Selle & Co. A. G. Berlin Zossener Str. 55